

Владислав Крапивин

Лерка

Часть сборника
Синий краб (сборник)

Владислав Крапивин

Лерка

«Автор»

1968

Крапивин В. П.

Лерка / В. П. Крапивин — «Автор», 1968

ISBN 978-5-457-10318-4

Вожатая Лена умеет находить контакт с подростками. И со всеми ребятами из отряда у нее замечательные отношения, только вот Лерка остается «темной лошадкой». Что творится у этого мальчишки внутри?

ISBN 978-5-457-10318-4

© Крапивин В. П., 1968

© Автор, 1968

Владислав Крапивин

Лерка

С босыми ногами становиться в строй не разрешают. И когда горнисты созывают всех на линейку, он вытаскивает из-под вешалки новые калоши. Эти калоши дал ему Николка Морозиков. А Николке дали их дома – на тот случай, если будут дожди и холод. Но дождей нет, и солнце каждый день сияет над озером изо всех сил.

Калоши хлюпают на босых ногах, шлепают резиновыми пятками по песку, и песок взрывается под ними маленькими фонтанчиками. Сначала это интересно, а потом надоедает.

Все остальное время он ходит босиком. Не в калошах же ходить! А сандалии утонули в озере. Это случилось на рыбалке. Их унесла с причального плотика шипучая волна, которую подняла шальная моторка. А он и не огорчился. Просто сразу же забыл о потере. Все равно эти новые желтые сандалии были совершенно лишними на его ногах – изрезанных осокой, перемазанных до колен глиной, облепленных темными полосками сырых травинок...

Он любит бродить у воды. И за это ему попадает. На вечерней линейке старшая вожатая Инна Семеновна говорит громким круглым голосом:

– Сакурин Валерий... Ну-ка, выйди из строя! Вот, полюбуйтесь! Во время тихого часа опять не спал, а ходил по берегу. Из-за него пятый отряд опять не удержался на своем четвертом месте по дисциплине, съехал на шестое.

Он послушно шагает вперед, и калоши хлопают громко и отчетливо.

Отрядная вожатая Лена украдкой вздыхает. Ей становится жаль его. И еще беспокоит мысль: «Вдруг решит, что это я на него пожаловалась!»

Он стоит и молчит, опустив стриженую голову. Месяц назад его остригли под машинку, но теперь волосы отросли и покрыли голову темным ежиком. Они короткие и жесткие, как на зубной щетке. Такого уж не погладишь по голове.

Но его и не гладят.

– До каких пор это будет продолжаться? – спрашивает Инна Семеновна.

Он стоит и думает о своем. Совсем о другом. И шевелит острой коленкой с прилипшим листиком травы. Лист неровный, с пятью длинными зубцами. Словно кто-то очень маленький шлепнул по коленке растопыренной зеленой ладошкой.

Инна Семеновна начинает нервничать.

– Ты ответишь хоть что-нибудь?

Лена знает, что он не ответит. Потому что считает разговор пустым. Он вообще не любит говорить много слов, Лена убедилась. Но она не вмешивается. Отрядной вожатой нельзя вмешиваться, когда старшая вожатая воспитывает мальчишку. Да и что тут скажешь?

– Валерий!

Лена сдерживает досадливую усмешку. Ну какой же он Валерий! Маленький, остроплечий, в мятой рубашонке из розового с черными полосочками ситца, в таких же штанишках, пристегнутых к рубашке белыми пуговицами. Одна пуговица недавно оторвалась, но он отыскал другую – большую, из красного стекла. Наверное, от женского халата. Он прикрепил ее медной проволокой, и теперь эта пуговица горит на правой стороне живота, как предупредительный сигнал. Только непонятно, о какой опасности предупреждает. Может быть, о том, что ее хозяин опять сбежит на озеро?..

– Ты понял наконец, что нельзя нарушать дисциплину? – устало говорит Инна Семеновна. И ждет. А он думает о своем и чуть-чуть шевелит круглой головой на тоненькой шее. И если очень захотеть, то можно принять это шевеление за утвердительный кивок: да, понял, что нельзя нарушать дисциплину...

Инна Семеновна вздыхает:

– Становись в строй.

Он послушно шагает назад, и калоши снова бьют подошвами по песку: шлеп-шлеп.

Сосед Санька Щетинников улыбается и что-то ему говорит. Потом показывает кончик языка. А он не смеется. Он тихо отвечает и смотрит на Саньку темно-коричневыми глазами.

«Серьезные у него глаза, – думает Лена. – Слишком серьезные... Но все равно, какой же он Валерий?»

Он просто Лерка. Все его так и зовут.

С Леркой Лена познакомилась в первую же минуту, как только оказалась в «Искорке». У распахнутой лагерной калитки на широкой скамье сидел, скрестив ноги, худой темноглазый мальчишка. Пятна высохшей глины лежали на коричневых ногах светло-серыми заплатами. На коленях мальчишка держал громадный кухонный нож, широкий и блестящий, как серебряная рыба. Наверное, этот нож долго-долго драили песком.

«Турчонок», – усмехнулась про себя Лена и подумала, что не хватает мальчишке только большого тюрбана. А так совсем как маленький янычар: ноги сложил калачом, на коленях ятаган, а ситцевый костюмчик похож на коротенький полосатый халат.

И лицо у мальчишки серьезное и невозмутимое.

Он чуть наклонил голову и осторожно пробовал пальцем, хорошо ли отточено его оружие.

– Здравствуй, – сказала Лена.

– Здравсьте, – сказал он. Спустил ноги, отложил тесак и взглянул на Лену. Смотрел он внимательно, неулыбчиво, но ничего больше не говорил.

И Лене стало неловко от долгого молчания.

– Ты дежурный, что ли? – Она знала, что у входа в лагерь полагается быть дежурному.

– Нет, – сказал он.

– А где дежурный?

– Их два. За изоляцией пошли.

– За чем?

– За лентой для изоляции, – отчетливо повторил мальчишка, и в глазах у него проскользнуло сердитое удивление. Наверное, подумал: «Такая большая, а не знает простых вещей».

– Хороши дежурные, – хмыкнула Лена. – Бегают за лентой какой-то...

– Я-то здесь, – коротко сказал мальчишка.

Спорить Лене расхотелось.

– Да, конечно, – примирительно сказала она и улыбнулась. – Сторож с такой саблей стоит двух дежурных.

– Это не сабля, – сказал он и на улыбку не ответил. Отвернулся и стал смотреть в кусты.

Из кустов, исцарапанные и запыхавшиеся, выскочили двое. С репьями в волосах, с красными повязками на голых руках.

– Здравсьте! – на всем скаку выпалили они. – Вы к кому?

– К вам.

Дежурные заулыбались:

– А зачем?

– А по делу. Где у вас пятый отряд?

Мальчишки довольно толково объяснили, что к даче пятого отряда можно идти по аллее – мимо столовой и киноплощадки, а еще можно вдоль забора, только надо продираться сквозь крапиву и репейники.

– Ясно, – сказала Лена.

Дежурные переглянулись, будто не были уверены, ясно ли ей. И вдруг разом вспомнили, повернулись к «турчонку».

– Вот он...

– Из пятого.

– Только ему некогда провожать, – спохватился один из них.

– Тоже мне рыцари, – сказала Лена. – Обойдусь без провожатых... Значит, ты из пятого? Как тебя зовут, незнакомец с большим ножом?

И узнала, что его зовут Лерка.

Он еще секунду серьезно смотрел на Лену. Видимо, ждал новых вопросов. Потом повернулся к дежурным:

– Давайте.

Они дали ему синее колечко изоляционной ленты. Лерка зажал в коленях нож и начал обматывать самодельную рукоятку.

Мальчишки уже не смотрели на Лену. Они смотрели на Леркины пальцы. Следили, как лента опоясывает ручку аккуратными синими витками. Были они оба старше Лерки, но глядели на него с почтением. Или, вернее, с готовностью сделать все, что он скажет. Так смотрят неловкие новички на умелого мастера...

– Значит, ты из пятого отряда? – повторила Лена. Лерка промолчал. Он, видимо, размышлял, стоит ли два раза отвечать на один вопрос. Потом все-таки сказал:

– Ну да...

Рукоятка была уже готова. Лерка сжал ее в остром кулачке и прищуренно глянул вдоль клинка.

– Сойдет, – довольно произнес дежурный в синих шароварах.

– Сила! – поддержал его дежурный в зеленых трусах с белыми лампасами.

«Что они собираются делать? – кольнуло Лену беспокойство. – Ой, мама... С таким-то ножищем...»

Но не хотелось начинать знакомство с подозрительности. И не отбирать же, в конце концов, нож. Мальчишки возьмется с ним открыто, значит, не считают свое дело запретным.

Однако для очистки совести она спросила:

– Зачем он вам, такой страшный?

Лерка слегка пожал плечами.

– Тростник рубить, – сказал мальчишка в трусах с лампасами. А другой черкнул по воздуху ребром ладони: р-раз... Так они будут срубать сухие тростниковые стебли на краю болота.

«Зачем вам тростник?» – чуть не спросила Лена. Но спохватилась. Может быть, все знают, и только она не знает, зачем тростник. И, может быть, худой темноглазый Лерка снова глянет на нее досадливо и удивленно.

Лерка отложил нож, отвернулся и смотрел теперь сквозь голубые рейки забора. Там были лес и пустая дорога среди сосен...

Зачем нужен тростник, Лена узнала в тот же день. Благодаря Лариске Рыбиной. Сразу надо сказать, что Лариска считалась ябедой. Но она вовсе не походила на обычных ябед – пронырливых, остроносых и писклявых. Она была толстая, с большой черной косой и говорила унылым басом. Было слышно уже издалека, когда она медленно гудела:

– Елена Максимовна-а... А Колька Шанкевич опять залез на сосну и кидается ши-и-ишками...

Или:

– Инна Семеновна-а... А Санька Щетинников стоит в коридоре и стучается по голове барабаном...

Конечно, Колька Шанкевич успевал съехать на животе с дерева, а Санька положить на место барабан.

Ябедничать по-настоящему, незаметно, Лариска не умела, поэтому ее не колотили. Только если затевалось опасное дело, Санька Щетинников говорил:

– Смотрите, братцы, чтоб Рыбина не услышала...

– А я услышала-а, – оказавшись поблизости, сообщила она. И, неторопливо шагая сквозь кусты, начинала тянуть еще издалека:

– Елена Максимовна-а... А мальчишки поймали чью-то кошку и пихают ее в центрофигу...

– Сама ты центрофига! – орал вслед раздосадованный Санька. – Ни черта не понимает, а суется! Самому мне, что ли, туда лезть?! А если перегрузка смертельная?!

Но все равно опыт приходилось отменять, и центрифуга, созданная для испытания космических перегрузок, снова превращалась в обыкновенную бочку. Ее снимали с веревок и катили на постоянное место – под водосточную трубу. До следующего раза.

Но иногда Лариска приносила полезные сообщения. Например, однажды она своим тягучим голосом прогудела:

– А Николка Морозиков потихоньку залез в лодку-у, а лодка поплыла, а весел там нету-у...

Лодку с ревушим от страха Николкой догнал катер...

Но все это случилось позднее. А в первый же день, когда Лена многих в отряде еще не знала по именам, толстая девчонка с черной косой приоткрыла дверь в пионерскую комнату и сообщила:

– Елена Максимовна-а... А Лерка и Санька стоят за сараем и стреляют стрелами, а стрелы втыкаются...

Стрелы втыкались. Они с шелестом пронеслись над высокой травой и с каким-то чмоканьем впивались в стенку сарая. Стена была бревенчатая, темно-серая, а стрелы были золотистые. Воткнувшись, они долго дрожали.

Лена тихо подошла и остановилась позади мальчишек.

Стрелков было двенадцать, а самострел один. На стене сарая висела мишень – тетрадный листок с нарисованной рожей. Две стрелы торчали в верхнем уголке листа, а остальные не задели бумагу, словно она была заколдованная.

Еще одна стрела прошуршала в воздухе, но опять не попала в цель, а зацепила вбитую в бревно железную скобу, взмыла над соснами, перевернулась и пошла вниз. Она воткнулась в крышу сарая и замерла, как маленькая антенна.

«Ой, мама, – подумала Лена, – ведь наконечники-то, кажется, металлические...»

Но что она могла сказать?

– Можно, я тоже выстрелю? – сказала она.

Только сейчас мальчишки заметили новую вожатую. Они смотрели на нее по-разному: кто с опасением, кто удивленно (откуда взялась?), кто со скрытой усмешкой – знаем, сейчас крик поднимешь.

Ни один не понял сразу ее вопроса.

– Я тоже выстрелить хочу. Можно? – повторила она.

Тогда лобастый, светлоглазый Санька Щетинников, глядя под ноги, хмуро сказал:

– У нас очередь.

– Ну, а я и не прошусь без очереди. За кем стрелять?

– За мной, – откликнулся Лерка. Он один не проявил интереса к приходу вожатой. Стоял и все время смотрел на мишень. Даже когда отвечал, не обернулся.

Стрелы по-прежнему летали мимо тетрадного листка. Мальчишки досадливо вздыхали, и каждый придумывал оправдание.

«Интересно, что скажет Лерка, когда промахнется?» – подумала Лена.

Лерка не промахнулся. Его стрела воткнулась в край нарисованной рожи. Мальчишки заорали «ура» и бросились к сараю.

Санька взял у Лерки самострел и молча протянул вместе со стрелой Лене.

«Ой, а вдруг промажу? – подумала она. – Вот скандал-то будет. При всем отряде. И при этом... при Лерке.»

Лена посмотрела украдкой на Лерку. Он стоял в нескольких шагах, спиной к ребятам и к ней. Во всей его фигурке было хмурое равнодушие. «Ну и человек», – подумала Лена с неожиданной обидой. Мальчишки вернулись от сарая, и она стала целиться в рисунок. Ребята напряженно ждали и готовились радостно захихикать, когда стрела уйдет в сторону от листка.

«Дернула меня нечистая сила», – вздохнула про себя Лена. Раньше она никогда не стреляла из таких штук. Из луков стреляла, когда была ростом не больше Саньки. Из «шпоночников» стреляла – это такое ружьецо, бьет проволочными скобами.

А Леркин самострел был каким-то гибридом «шпоночника» и лука.

Лена добросовестно щурила левый глаз, а правым смотрела на блестящий наконечник стрелы. Он плясал и никак не хотел задержаться на белом квадратике мишени. «Вот, зануда», – шепотом сказала Лена и с досады тряхнула непонятное оружие.

Стрела со звонким щелчком сорвалась и словно растаяла.

– Ура-а! – снова завопили мальчишки и ринулись к бревенчатой стене. Потом уважительно расступились, давая дорогу Лене. Желтая тростинка-стрела торчала в подбородке косоглазого и большеухого лица. Ниже подбородка Лена увидела кривые печатные буквы:

НЕЩАСНЫЙ ИЗМЕННИК ЛОТЬКА

– Это что еще за изменник? Откуда и чей? – с легкой тревогой спросила Лена. Мальчишки словно не слышали вопроса. Но была тут еще Рыбина. И она протяжно сообщила:

– Это был его друг... А сейчас это его враг. Потому что он не...

– За-тк-нись, – тихо и отчетливо приказал Санька.

Лена взглянула на Лерку. Он по-прежнему стоял ко всем спиной, будто забыл о ребятах. Но была в нем какая-то напряженность.

«Ой, что-то не так», – подумала Лена.

За соснами торопливо и весело заиграл горнист: «Бери ложку, бери бак...»

После обеда Лена заглянула в палату к своим мальчишкам.

Маленький ушастый Колька Шанкевич стоял на спинке кровати и качался, размахивая руками: изображал канатоходца. Санька Щетинников целился в него подушкой. Толстый, стриженный наголо мальчишка, имени которого Лена еще не запомнила, читал в кровати, стоя на четвереньках. Николка Морозиков жевал припасенное от обеда печенье. Пятеро мальчишек в дальнем углу тянули от кровати к кровати тонкие веревочки: видно, устраивали «телефон».

Увидев новую вожатую, канатоходец Колька с грохотом полетел на пол. Пущенная Санькой подушка попала в мальчишку с книгой. Он ткнулся носом в постель и обиженно запыхтел. «Телефонисты» ласточками разлетелись по своим постелям и дружно захрапели.

– Здравствуйте, – дружелюбно сказал Николка Морозиков. – Хотите печенюшек?

– Не хочу. Что за манера жевать в постели!

Николка пожал плечами. Он считал, что такая манера – вполне хорошая.

– Что тут у вас? – продолжала Лена строгим голосом. – Одесский базар? Или кружок акробатики?

– Не... Не кружок, – ощупывая плечо и локоть, сообщил Колька Шанкевич.

– Может быть, площадка молодняка в зоопарке?

«Телефонисты» стали храпеть потише, с интересом прислушиваясь. Но больше ничего занимательного не услышали.

– Ну-ка, укладывайтесь, – сказала Лена. Сказала, впрочем, без особой надежды, что они послушаются.

Но они послушались. Довольно быстро.

– А сказка будет? – спросил Морозиков, съевший печенье.

– Сказка?.. Ну, что ж... Да, но почему здесь не все? В чем дело, братцы?

– Все здесь, – откликнулся Санька. – У нас все. Мы такие хорошие.

– А чья это кровать пустая?

– Да это Лерки... Сакурина, – сказали несколько голосов.

– Ну вот! А говорили «все». Где он, Сакурин?

– Кто ж его знает? – удивился Николка Морозиков. – Да вы рассказывайте. Он придет потом.

– Что значит «потом»? А сейчас он где бродит? Кто ему разрешил?

– Так это же Лерка, – спокойно сказал Санька Щетинников.

Потом Лена часто слышала эти слова: «Так это же Лерка». Но в первый раз они удивили и рассердили ее.

– Вот вам и сказка! – бросила она. – Всем сейчас же спать!

И отправилась на поиски.

В столовой Лерки, конечно, не было. И у качелей не было, и на берегу. Наконец Лена увидела его там, где недавно стреляли, – у сарая.

Лерка стоял, опустив голову, и босой ногой шевелил длинные травинки. Или вспоминал о чем-то, или искал что-то в траве.

Раздражение у Лены растаяло. Лерка показался ей грустным и одиноким.

– Ну... – негромко сказала она. – Что ж ты один? Что ты здесь делаешь?

– Стою, – ответил он, не поднимая головы. У ног его валялся листок с нарисованным «изменником Лотькой».

– Где же твой самострел?

– Отдал, – равнодушно сказал он.

– Кому? – спросила Лена, чтобы как-нибудь продолжить разговор.

– Не знаю.

– Ну и ну! Делал-делал, а потом отдал и не знаешь?

– Ну, не помню. – Лерка поежился, словно от Лены веяло зимним воздухом. Видно, он очень хотел остаться один. Может быть, ему взгрустнулось. Может быть, обидел кто-то, а он из гордости переживает молча. Всякое бывает.

Но переживания – это одно, а тихий час – другое. В тихий час надо спать. Или, по крайней мере, делать вид, что спишь. А то Инна Семеновна заглянет в палату, увидит, что у новенькой вожатой нет на месте одного мальчишки, и будет ему нахлобучка, а Лене, наверное, выговор.

– Спать ведь надо, – осторожно заметила Лена. А Лерка коротко вздернул острые плечики. И это было понятнее слов.

«Всегда одно и то же, – молча говорил он. – Надо спать! Это вам надо, чтобы я спал. А мне не надо.»

Лена про себя вздохнула от нерешительности. Конечно, можно было прикрикнуть: «Ну-ка, марш в спальню! Тебя режим не касается?!» Но Лена этого не могла. Ей казалось, что тогда в Лерке что-то надломится. Хрустнет, как речка в легкой модели планера. И после этого он совсем никому не будет улыбаться.

И все же она сказала настойчивей:

– Ну, Сакурин... Ну, все-таки ведь пора...

– Ты иди, – откликнулся он не глядя. – Я потом приду.

Ничего себе! «Потом»! Это когда же, интересно?

– Ты фокусник, – с досадой сказала Лена. – Есть у тебя совесть? Мне ведь тоже надо отдохнуть.

– Ну, отдыхай, – сказал он. И это была не насмешка. Кажется, он даже слегка удивился: «Кто тебе не дает отдыхать?»

Нет, так нельзя! Не стоять же здесь два часа. Лена решительно нагнулась и подхватила Лерку на руки. Она думала, что этот веселый напор сломит наконец Леркину хмурость и он поддастся игре. Взболтнет ногами, засмеется, побрыкается для порядка, а потом уступит ее ласковой силе. Только скажет с напускной сердитостью что-нибудь такое: «Большая на маленького! Справилась, да?»

Лерка не принял игры. Легонький, как пучок тростника, он вдруг затвердел на руках у Лены. Не дернулся, не крикнул, а отчужденно застыл, отвернув лицо. Неприступно и остро торчали согнутые локти и коленки. И Лене даже показалось, что выросли вокруг него невидимые стеклянные шипы, опасные и хрупкие.

Она растерялась. И отпустить Лерку было нельзя теперь – неловко как-то, и нести его, такого злого и стеклянного... Лена понесла. Осторожно, сердито и быстро. Лерка твердо молчал, и она молчала, хотя в голове прыгали разные злые слова.

Рядом с умывальником она опустила Лерку. Он легко распрямился и встал, по-прежнему глядя в сторону.

– Колючка несчастная! – в сердцах сказала Лена. – Умывайся и марш в постель! Ноги вымой, а то как у негра.

Лерка молча загремел умывальником. Видимо, он считал унижительным спорить.

Лена отошла. «Батюшки! – вдруг спохватилась она. – Он ведь босиком! Сейчас с мокрыми ногами по песку да в кровать...» Но возвращаться к Лерке не стала. Не побоялась, а так...

В конце концов, кроме Лерки, у нее было еще двадцать семь человек, и все такие, что не заскучаешь. Один Щетинников чего стоит! Это надо же придумать: соревнования канатоходцев на высоте в три метра! Первый же канатоходец – Вовка Молчун – сорвался после двух шагов, повис на проволоке и завыл: внизу выжидающе качали макушками беспощадные крапивные стебли. Пришлось ловить «артиста» в растянутое одеяло, а Саньке пригрозить исключением из лагеря. Санька и не моргнул! Во-первых, этим ему грозили каждый день, а во-вторых, нет такого закона, чтобы за канатоходные соревнования выгонять человека из лагеря.

А Николка Морозиков! Вроде бы маленький, послушный, а того и гляди, что влипнет в историю. То на дереве застрянет, то лохматого деревенского пса приютит под кроватью и попадетя санитарной комиссии, то подушку увеличительным стеклом прожжет навывлет. Да не свою подушку, а Рыбиной!

Понятно, почему прежняя вожатая говорила про них: «Бесы, а не дети!»

Она, эта вожатая, продержалась в лагере месяц, а потом сбежала в город, пришла в заводской комитет комсомола и сказала, что пусть ее повесят на месте, но в этот кошмар она

не вернется. Вешать беглянку не стали, а комсорг Миша Петров позвал в кабинет Лену и начал уговаривать поехать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.